

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.51
ББК 66.4
Д148
АНО ВПО НИИ «Институт политических и медиаметрических исследований»

Даими Теймур
e-mail: redactor@ipmi-russia.org

ПРИЧАСТНОСТЬ К ОБЩЕЙ СУДЬБЕ

В данной статье описываются последствия распада СССР и аспекты взаимоотношений республик бывшего Союза.

Daimi T.
e-mail: redactor@ipmi-russia.org

PARTICIPATION IN THE GENERAL DESTINY

In this article consequences of decay of the USSR and aspects of relations of the republics of the former Union are described.

Ключевые слова: СССР, евразийское пространство, США, Россия.

Key words: USSR, Euroasian space, USA, Russia.

В 1991-м злосчастном году, посредством ряда поспешно-суетливых диверсионно-чиновничьих процедур, было совершено величайшее геополитическое и геокультурное преступление – развал СССР. Одно из самых могущественных энигматических пространств современности распалось на мелкие "феодалные княжества", именуемые независимыми государствами. Распалось на глазах у миллионов простых советских людей, утомленных лживой либерально-демократической риторикой горбачевских горе-реформаторов.

Это было дико, неожиданно и возвышенно одновременно. Население огромной страны, уже охваченной огнем межнациональных конфликтов, изрядно подустало от интенсивного лицемерия демагогической партийной бюрократии и хамской политики центра (т. е. Москвы) по отношению к несговорчивым республикам (Средней Азии, Закавказья и Прибалтики). Эта всенародная усталость и телячье раболепство продвинутой советской кухонной интеллигенции перед западными "общечеловеческими ценностями" определили индифферентность масс к самому факту исчезновения могущественной державы.

Это сейчас, с высоты прошедших лет, можно сожалеть о трагедии, постигшей евразийское пространство, и о геополитическом преступлении перед Историей со стороны нескольких обезумевших партийных ничтожеств из высших эшелонов власти. С высоты нашего времени всё выглядит по-другому. Всё гораздо прозаичнее, жестче, без сантиментов и инфантильного героизма розового периода национально-освободительных движений и карикатурно трогательного парада суверенитетов. А тогда, в конце 80-х и начале 90-х годов, политическая атмосфера была пронизана гипнотическим туманом массового квазидемократического безумия. Мир казался строго дихотомичным и однозначным: с одной стороны, империя зла – СССР и социалистический лагерь, с другой – весь остальной нормальный, демократический мир всеобщего благоденствия и прогрессирующего блага. Одурманенная внушительными дозами перестроечной свободы наиболее пассионарная часть советских народов, вооружившись лозунгами народно-освободительных движений, начала борьбу за независимость. Борьбу против так называемой "империи зла". Борьба увенчалась успехом. В 1991 году красный колосс на глиняных ногах рухнул. Народы получили, наконец, "свободу". Демократически ориентированные элиты национальных республик ликовали, как ликуют дети, одаренные долгожданными игрушками на новогодней елке. Ведь в республиках большинство интеллигентно-шестидесятников давно грезили о национальном суверенитете. Никто из них и представить не мог, чем всё это закончится, какой кровью обернется дорога к пресловутой и мнимой свободе.

В то время схема геокультурной динамики национально-политического освобождения от ига советской империи была ясна как день: выход из состава СССР и благополучная комплексная интеграция в мировое сообщество. Национально-освободительные демократически ориентированные элиты были уверены в том, что мировое сообщество в лице развитых западных стран и США с нетерпением ждет новоявленных государств и готово с распростертыми руками принять их в свои ряды. Сейчас, в век бурного расцвета политехнологий, поведенческие стратегии этих национальных элит поражают своим инфантилизмом и наивностью. Искренне веря в демократические идеалы пресловутого "гражданского общества" и счастливое будущее своих стран под лучами благочестивого мирового сообщества, национал-романтики постсоветского пространства обрекли свои народы на чудовищный эксперимент, превратив их в безропотных объектов глобализационной политики стран "золотого миллиарда". Вскоре стало ясно, что мир за границами 1/6 части суши не столь справедлив, демократичен и свободен, как казалось демократам позднесоветского периода. Более того, этот мир оказался неожиданно циничен и жесток, полон двойных стандартов и ему глубоко наплевать на благополучие населения постсоветских стран, причисленных архитекторами глобализации к остальным пяти миллиардам человечества, которые, опять же, с точки зрения этих архитекторов, не имеют никаких прав на будущее.

Очень скоро национал-романтики с ужасом осознали тот факт, что их, как последних лохов, использовали бывшие партийно-номенклатурные лидеры, в целях придания центробежным тенденциям (после крушения Союза) необратимый характер. После того как это случилось, то есть была достигнута точка невозврата к прежним временам, национал-романтики были выброшены на свалку истории и почти на всем постсоветском пространстве к власти пришли бывшие коммунистические боссы, образовав своеобразный гибридный класс – криминальную олигархическую бюрократию. Этот новый постсоветский класс преследует одну-единственную цель – как можно выгоднее и подороже продать себя и свои страны трансперсональным корпорациям и международным экономическим структурам, защищающим интересы этих корпораций. Взяв на вооружение успех сколоченные архаично-национальные идеологии, власти бывших союзных республик, используя весь богатый арсенал суггестивно-репрессивных мер, стараются убедить свои народы, во-первых, в неоспоримых преимуществах национального суверенитета, во-вторых, в безнадежности и даже преступности любых идей, направленных на реанимацию единого ментального пространства, объединяющего все постсоветские республики. Именно здесь, в этой антинародной политике

криминальных режимов проявился весь ужас национального, так называемая тирания этноса, возвращающая людей к аутичной родоплеменной парадигме мышления.

Поэтому на уровне актуальной политики мы видим не всегда явную, но все же имеющую место грызню между республиками бывшего Союза, попытки группироваться по сиюминутным интересам в геополитические союзы, напоминая альянсы в криминальной среде или борьбу архаичных племен за доминанцию в регионе. Бросается в глаза устойчивая тенденция к дистанцированию республик от России (даже таких родственных, как Украина и Белоруссия), заигрывание с США, НАТО и прочими атлантическими структурами. Это есть центробежная динамика, во многом провоцируемая имперскими амбициями, исходящими от некоторых российских влиятельных институций, не теряет свою силу, а временами даже усиливается. Это то, что наблюдается на сцене большой политики.

Но справедливо ли такое взаимное неприятие на уровне населения постсоветского пространства?

Мои личные наблюдения в этой сфере говорят о том, что на уровне постсоветских множеств (термин Негри – Хардта) имеют место прямо противоположные тенденции: множества тянутся друг к другу. И дело тут не в эмпирической ностальгии по добрым старым временам, когда уровень жизни людей, в среднем, был значительно выше теперешнего. Ведь необъяснимая тяга друг к другу наблюдается не только у среднего и старшего поколений, инфицированных политикой социальной уравниловки, но и у совсем молодых людей, родившихся и сформировавшихся уже в независимых государствах, под лучами глобального спектра. Это кажется непонятным и парадоксальным, ибо в современном мире принято судить о качестве жизни по критериям внешней успешности и физиологической сытости. Но дело здесь отнюдь не в вульгарных стремлениях к желудочно-кишечному конформизму, характерных для всей капиталистической эйкумены. Тем более эти стремления в бывших союзных республиках не столь затребованы, да и не работают, как следует. Здесь всё идет не так, как надо, не так, "как у людей". Здесь наблюдается явное отклонение от "общечеловеческой" нормы, от алгоритма истории, заданного всему миру странами победившего Капитала. Здесь всё постоянно выходит из-под контроля хозяев земного шара, приватизировавших ответственность за историческую судьбу человечества.

Даже при беглом взгляде на историю евразийского социального космоса создается ощущение, что эта часть суши никак не хочет вписаться в исторический мейнстрим, постоянно выскакивает из магистральной линии развития цивилизации. Словно самим своим проблематичным присутствием евразийский социум подчеркивает факт онтологической девиации, случившейся когда-то с развитием человеческой цивилизации, хотя, с точки зрения последней, сам является отклонением от "правильного и единственного возможного" исторического курса. В чем же дело?

А дело в том, что евразийское пространство "беременно" особой субстанцией, отличающей народы, живущие здесь, от остального населения земного шара. Эта субстанция представляет собой уникальный магический ФЕРМЕНТ, сцепляющий молекулы сознания евразийских народов в метаэтническую общность, которая за пределами любых форм внешнего социального оформления геополитического пространства. Не имеет значения, какая именно общественно-политическая (или цивилизационная) форма актуализирована на этой территории – "Великая степь" с ее диффузным взаимопроникновением этносов, Российская империя с ее монархическим самодержавием, Советский Союз с тоталитаризмом или веер независимых государств, изнутри разведаемых криминальными режимами, – фермент все равно выполняет свою провиденциальную функцию энергетического сцепления множеств. Именно наличием этого фермента можно объяснить тот факт, что евразийские этнические группы, исторически входившие в различные конфессионально-цивилизационные проекты, оказались гораздо ближе друг другу, чем народы, принадлежащие, скажем, к одной и той же религиозной конфессии.

Есть соблазн легко объяснить всё это военной экспансией России, постепенно, в течение нескольких веков, объединившей евразийские народы в единое государственно-правовое поле. Но расширение российского государства было не причиной возникновения фермента, а скорее его следствием. То есть иррадирующее наличие этого фермента и побудило российское государство к необузданной экспансии. Другими словами, Россия, на каком-то историческом этапе, была "выбрана ферментом" в качестве инструмента реализации провиденциального замысла, не уместящегося в логику нормативной истории. Кстати, этот замысел не имеет прямого отношения к идее Империи, которую отстаивают многие евразийские пассионарии. Ведь эта амбициозная идея носит количественный характер и зиждется на модусе наращивания и укрепления мышц государственного тела, вплетенного в ткань актуального бытия, т. е. того, что есть и хочет быть вечно (Империя так же относится к государству, как, скажем, нищеанский сверхчеловек к обыкновенному человеку, т. е. разница не в качестве, а количестве. Изменение статуса в этом случае не ведет к изменению внутреннего качества, не приводит к радикальному прорыву в принципиально иное).

Волшебный же фермент, "имплантированный" провидением в ментальную структуру евразийских множеств, принципиально иного качества, нежели актуальное бытие, где, согласно Ф. Гегелю "всё действительное разумно" и где это имманентное "действительное" упорно абсолютизируется. Поэтому он (фермент) будет "проваливать" любые попытки восстановления евразийского социального пространства в формате Империи, так как эти националистически окрашенные попытки только компрометируют фермент, "презирающий" статическую идею статус-кво и признающий примат должествования над бытием как фактора непрерывного преодоления "разумной действительности".

Единственной адекватной реакцией на "запрос" фермента явилась, пожалуй, большевистская революция 1917 года, со всей очевидностью проявившая архетипические интенции евразийских множеств, направленные на сворачивание того направления исторического развития, которое ведет к совершенствованию "бытия ради бытия", тривиально выражаясь, к финальному торжеству царства Капитала (что и означает абсолютизацию имманентного сегмента Реальности). Лидеры революции, и в первую очередь Ленин и Троцкий, интуитивно и невольно прикоснулись к энергетике провидения относительно этой части суши. Невзирая на декларируемую враждебность революционеров-атеистов всему, что связано со сферой метафизики, через их неконформистскую деятельность был задан мощный эсхатологический вектор – актуализирована интенция к новой жизни и сотворению нового Советского Человека (нет ли здесь отголоска теологических дискурсов "новых земель и новых небес" и "нового Адама"?). Конечно же, потом все эти "абсурдные" идеи были благополучно похоронены Сталиным в созданном им бюрократическом государстве, мало чем отличающемся (по степени имманентности!) от капиталистических стран, но не в этом дело. Распад СССР оправдан именно с точки зрения компрометации первичных революционных интенций, направленных на проявление фермента. Советский Союз после 1928 года, несмотря на формальное засилье коммунистической идеологии и всяческие инновационные декларации, на деле всеми интеллектуальными усилиями и форсированной модернизацией пытался вписаться в исторический мейнстрим, что никак не могло "удовлетворить" фермент, "взывающий" к прямо противоположному вектору.

Выскажу свое основное предположение: фермент, имеющий трансцендентную природу, представляет собой своеобразную "точку Омега" (термин Тейяра де Шардена) – некую парадоксальную точку Будущего, которое организует настоящее по отношению к себе. В этой связи можно определить фермент и как конечную причину, имеющую нелинейное определяющее влияние на нынешнее состояние (настоящее). Речь, на самом деле, идет о социоментальной алхимии, конкретнее, о перцептивной трансмутации гомосапиенса – энергетической процедуре рождения нового Человека (Человечества), радикально отличного от той картезианской модели "двумерного" человека-машин (человека-потребителя, человека-функции...), которая актуальна в современном мире. Другими словами, на евразийские множества из Будущего направлен провиденциальный луч, функция которого заключается в радикальной трансформации антропологического фактора (концепт "советского" человека), сначала на территории Евразии, а затем и во всем мире (теория перманентной революции). Важно отметить, что это Будущее не находится где-то там впереди, на линии причинно-следственной связи, оно логически не

выводится из эмпирического настоящего, ибо не принадлежит физическому временному вектору прошлое-настоящее-будущее. Будущее, о котором идет речь, – по ту сторону исторического детерминизма, которое приводит к диктатуре Капитала, глобальной механизации бытия, легитимизации всего перверсивного и выхолащиванию Живого из человеческой жизни (вечный рай умных машин и послушных клонов как идеал глобализации).

Это постэсхатологическое Будущее адекватно и компетентно описано в православно-христианских и мусульманских учениях, лежащих в основе традиционной веры евразийских множеств. И никакая атеистическая идеология, никакое провиденциальный Проект так и остался (пока!) нереализованным. Иначе выражаясь, что-то очень важное, даже святое, принципиально контрапунктное историческому мейнстриму и глобальной диктатуре Капитала было предательски и скоропалительно погребено под обломками меркантильных обид, сиюминутных геополитических интересов, конъюнктур и т. д.

Но все дело в том, что магический фермент, сцепляющий множества и подспудно провоцирующий их к внутреннему сопротивлению диктатуре Капитала, разлит в самой атмосфере Евразии, вкраплен в нашу кровь, в нашу биогенетику. Мы изначально "заражены" и "травмированы" этим ферментом, а значит, нам, в конечной перспективе, не избежать выполнения тайного метаисторического предназначения, не избавиться от фатальной причастности к общему для всех нас эсхатологическому Проекту, а значит, и к общей Судьбе...

Кто знает, может быть, так называемая "прогрессивная ностальгия" (бессознательная тяга евразийских множеств друг к другу и к чему-то трудно определимому) обусловлена тем, что на глубинном уровне мы интулируем, что некий очень важный провиденциальный Проект так и остался (пока!) нереализованным. Иначе выражаясь, что-то очень важное, даже святое, принципиально контрапунктное историческому мейнстриму и глобальной диктатуре Капитала было предательски и скоропалительно погребено под обломками меркантильных обид, сиюминутных геополитических интересов, конъюнктур и т. д.

Но все дело в том, что магический фермент, сцепляющий множества и подспудно провоцирующий их к внутреннему сопротивлению диктатуре Капитала, разлит в самой атмосфере Евразии, вкраплен в нашу кровь, в нашу биогенетику. Мы изначально "заражены" и "травмированы" этим ферментом, а значит, нам, в конечной перспективе, не избежать выполнения тайного метаисторического предназначения, не избавиться от фатальной причастности к общему для всех нас эсхатологическому Проекту, а значит, и к общей Судьбе...

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.51

ББК 66.4

М33

ГБОУ ВПО Московской области «Королевский институт управления, экономики и социологии»

Матвиенко Юрий

e-mail: jp.kulikova@gmail.com

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ЕЁ ВКЛАД В ГЕОПОЛИТИКУ XXI ВЕКА

Историю стран и народов в каком-то смысле можно представить моделью всевозможных слияний и поглощений, как непрерывный процесс смены и перераспределения политических ролей на исторической сцене, а основной «технологией» слияний и поглощений стран и народов, остаётся вооружённое насилие.

Matviyenko Yu.

e-mail: jp.kulikova@gmail.com

PARADOXICAL LOGIC AND ITS CONTRIBUTION TO GEOPOLITICS OF THE XXI CENTURY

In any sense it is possible to provide history of the countries and the people model of various merges and absorption as the continuous process of change and redistribution of political roles on a historical scene, and main "technology" of merges and absorption of the countries and the people, remains the armed violence.

Ключевые слова: история, слияния, поглощения, многополярный мир.

Keywords: history, merges, absorption, multipolar world.

«Кто стреляет первым, тот умирает вторым»
Философия Дикого Запада XIX в. и политики
ядерного сдерживания XXI в.

«То, что известно всякому, уже случилось.
Того, что известно мудрому, пока ещё не
существует»
Чжан Юй, биограф времён династии Сун

Историю стран и народов в каком-то смысле можно представить моделью всевозможных слияний и поглощений, как непрерывный процесс смены и перераспределения политических ролей на исторической сцене.

На одних только просторах Евразии за последние две с половиной тысячи лет появились и канули в Лету Персидская империя, империя Александра Македонского, Монгольская империя Чингисхана, империя Великих Моголов. Расцвела и исчезла на просторах Древнего Китая империя Цинь, а вслед за ней и империя Хань. Заблестел богатством и роскошью, а затем потух Рим. Пала под ударами османов тысячелетняя Византия. Канула в вечность и сама Великая Порты. Нет больше на карте мира империй Британской и Испанской. Разбилась о Российскую империю молодая империя Наполеона Бонапарта. А через столетие с небольшим рухнула и сама Российская империя. В начале XX века исчезли с политической карты мира Австро-Венгрия и кайзеровская Германия. В середине прошлого века, всего через 15 лет развалился гитлеровский